

Ваш выход, маэстро!

Даниэль Брэйн

Все против попаданки

«Литнет»

Брэйи Д.

Все против поаанки / Д. Брэйи — «Литнет», — (Ваш выход, маэстро!)

Страаающее средневековье — не уютные улочки европейского города и не увлекательный паблик в сети. Страаающее средневековье — бесправие, голод, холод, изнурительный труд, взаимная ненависть, охота на ведьм, ненасытные чудовища, монастырь в горной глуши, сиротский кров, приют Святой Мадлин — и я, молодая вдова Шанталь Готье. Никаких шансов, что что-то изменится для несчастных насельниц, пока я не сказала: «Любой ценой». Зрелая поаанка-мизантроп с жизненным опытом и обостренным чувством справедливости (так бывает!) в юном теле в суровых условиях. Европейские легенды, роскошная природа (таящая много зла), шокирующий (но правдивый) исторический быт, агрессивное прогрессорство во имя добра.

© Брэйи Д.

© Литнет

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Все против попаданки

Автор: Даниэль Брэйи

Глава первая

Женщина, смотревшая на меня в упор, была настоящей ведьмой. По крайней мере, она так себя позиционировала.

Но я себя позиционировала намного, намного круче.

– Возвращаете моей клиентке всю сумму, которую она заплатила вам за ваши услуги, – сказала я, на слове «услуги» скривив губы и чуть повысив голос. Такие люди – а я неплохо успела изучить людей – реагируют на повышение тона. – Заметьте, я не требую с вас расписки, поскольку... – Улыбка моя стала шире, но не добрее. – ...Расписка будет вам явно лишняя. Фактически признание того, что вы уклоняетесь от уплаты налогов и ваша деятельность, таким печальным образом, не вполне законна.

– Я окончила Белую академию магии, – низким грудным – но уже слегка дрогнувшим – и как бы чарующим голосом поведала ведьма и «сверкнула» глазами: выпучила их и тут же сузила, наивно полагая, что это сработает. На вид – обычная женщина сорока лет, на лице устаревший контуринг, на руках – результат трехчасового сидения в маникюрном салоне. В помещении воняло сомнительной жженой химией, на стенах красовалась оккультная чушь с китайского сайта, все красное, золотое, звенящее и раздражало невероятно. Но мне приходилось держать себя в руках.

– Только чек за услуги вы выдать забыли, – парировала я. – Какой у вас там код вида деятельности? Десяносто шесть – ноль девять?

Я немного сбrehнула. Этот код – деятельность экстрасенсов и медиумов. До ведьм наши законотворцы пока не дозрели, зато рядом с медиумами соседствовали услуги эскорта и брачные агентства – под видом «прочих социальных услуг». Индивидуальный предприниматель как-ее-там была зарегистрирована в установленном порядке, только водила за нос и клиентуру, и государство, и если государство в состоянии было само разобраться с налогоплательщицами, то мне клиент уже заплатил.

Ведьма попробовала говорить со мной на моем языке.

– Услуга оказана в полном объеме, – она нахмурилась, наверное, это должно было меня напугать. Брови и правда впечатляли, хотя одна уже порядком облезла и требовала вмешательства хоть какого-нибудь мастера.

– Не напомните? – я тоже приподняла бровь – натуральную. Если бы я за свои сорок пять следовала всем нелепым веяниям моды – страшно представить. Я долго репетировала этот жест. Полно, в нашей работе существуют только бумаги, никаких душераздирающих речей и прочей театральщины, но когда нужно надавить на оппонента, в ход идет любой арсенал. Например: бровь. – Что это была за услуга?..

– Снятие порчи.

Я картинно уперла локоть в столешницу и пристроила на руке подбородок. Взгляд мой стал задумчивым и томным. Если бы я не была юристом, стала бы актрисой, определенно. Но работа на сцене все же однообразнее.

– Сняли? – с неподдельным интересом спросила я. – За восемь тысяч рублей.

Это было дороже, чем оплата моей клиенткой этого разговора. Но мной двигала не профессиональная ревность – к кому ревновать, черт возьми? К ведьме? Ты вообще кто – аниматор, клоунесса, ну кто?

– Хотите, я сниму с вас бесплатно? – предложила вдруг ведьма, и я насторожилась. Разговор принял прелюбопытный оборот. Мне не один раз предлагали набить тату, подарить сертификат на ненужные мне услуги, отремонтировать квартиру, но это хотя бы было нечто логичное и осязаемое. – Порчу? Или приворот, отворот?

– От ворот поворот, – передразнила я. Непрофессионально, зато эффектно. – Вам проще возместить моей клиентке ущерб, чем получить очень много проблем с вашим арендодателем и налоговой инспекцией, кроме того, вы же занимаетесь предпринимательской деятельностью. Выплатите согласно решению суда помимо восьми тысяч еще и пятьдесят процентов сверху, еще и стоимость моих услуг. Оно вам надо?

Кислое лицо ведьмы говорило, что нет, не надо, и я предлагала ей оптимальнейший вариант, но она продолжала упрямиться, и это начинало меня серьезно бесить. Особенно учитывая звенящий красно-золотой антураж.

– Про матрицы судьбы и остальную чушь даже не начинайте, – предупредила я. – Визитки уже не в тренде, но мой адрес электронной почты у вас есть. Или можете перечислить деньги моей клиентке прямо по номеру телефона. Думаю, Кассандра, – о господи, фантазия у нее как у самки дятла, – Трепетовна, разберется. Всего доброго.

В горле у меня першило от вони, в глазах рябило, в голове пульсировала боль. Хотелось на воздух, кофе и чего-нибудь перекусить. Я встала, кивнула на прощание, и ведьма вдруг полыхнула на меня крашенными очами.

– Никогда, – провещала она утробно, – не злите ведьму. Никогда.

Хороший тамада и конкурсы интересные. Я подыграла: натурально изобразила фейспалм, развернулась и вышла из кабинета.

– Ну как?

За мной захлопнулась дверь и плюнул в спину облезший колокольчик. Крашеная блондиночка, вцепившаяся в фотографию какого-то мужика, смотрела на меня с благоговением.

– Сходите лучше на эту десятку в цирк, – через плечо посоветовала я. – А мужика выкиньте, вон урна. Взрослая женщина, а развлечения выбирать не умеет.

Серьезно, я никогда не понимала людей. Хотя и знала, на что эти люди способны.

«Айфон» в интернете по цене пачки макарон. В итоге хорошо если пришлют том из собрания сочинений партийного деятеля середины семидесятых годов прошлого века, обычно – кусок деревяшки или обломок кирпича. Экстрасенсы. Кредиты на свадьбу. Квартиры, переписанные на непонятно кого в результате «внезапно возникшего чувства». Средства, нажитые непосильным трудом и пожертвованные на лечение скоропостижному знакомому из «Тиндера». Полиция шарахалась от гражданско-правовых дел – я на них зарабатывала, и это было намного честнее, чем привораживать ничего не подозревающих мужиков к совершенно незнакомым им женщинам. Мои услуги измерялись в понятных временных единицах, документах, поданных в суд, в количестве посещений заседаний... Наблюдать за людьми одно удовольствие, что не скажешь о бессмысленном сидении в офисе и замене в типовом договоре одного общества с ограниченной ответственностью с его генеральным директором на другое общество с другим директором.

Еще я очень любила свадьбы, потому что, как говорила моя подруга Наташка, владелица агентства по организации разных торжеств, свадьба – это маленький развод, и в эти слова она вкладывала двойной смысл. Наташка была дамой веселой и очень циничной, иначе я не могла объяснить, почему она – несмотря на то, что визитки и вправду уже отживали свой век – вручала всем заказчицам картонные карточки, на обороте которых было написано: «Постоянным клиентам скидка». Как ни странно – но я никогда не понимала людей! – часть клиентов действительно возвращалась за организацией новой свадьбы лет пять спустя. Юлия, третья моя подруга, была врачом-косметологом, а когда в наш тесный женский кружок врвался ее муж,

весельчак и балагур, мы хором орали – Дима, уйди с глаз долой, сейчас будет взрыв цинизма в одной отдельно взятой квартире.

Люди иных профессий кажутся миру лишними, например, ассенизатор, ритуальный агент или патологоанатом. О них не принято говорить, словно их не существует. Дима был всего лишь колопроктологом и со знанием дела нас уверял, что ему виднее суть всех человеческих поступков: люди часто делают все через то место, куда Диме приходится постоянно смотреть.

Мою последнюю клиентку я хотела бы отправить к нему. Что могло заставить серьезную женщину пятидесяти трех лет обратиться к «ведьме», сказать мог только Дима, изучив глубоко и предметно вопрос.

Паленая вонь преследовала меня и в коридоре. Я дождалась, пока лифт нежно тренькнет на моем этаже, зашла в металлическое зеркальное нутро, нажала на кнопку. Юрист – профессия справедливости. Объективная: есть закон. И еще это впечатления – ни в книгах, ни в фильмах ни один мастер сюжетов такое не даст. Перетянут, налепят шаблонов, переиграют. Почему я выбрала такую работу? Ах да, почему?

Может быть, из-за того, что отец работал на Петровке? Или мать давала судебно-медицинские заключения? Но когда я окончила вуз, в милицию идти не захотела. Стояли девяностые, было... зыбко, непонятно, бесправно как-то, осадок чувства бессилия у тех, кто должен был защищать людей, потому и отец сменил следственную работу на спокойную должность преподавателя в обычном вузе. Мне же хотелось вершить судьбы. Комплекс бога, как сказала одна психологиня. Синдром острого дефицита нормального медицинского образования в организме, встречно заключила я и больше никогда не ходила к этим специалистам. Везде, где нет фактов и документов, пахнет жареным.

Я поняла, что действительно чем-то пахнет, и одновременно лифт встал, а мой смартфон завибрировал. «Спасибо, она вернула мне восемь тысяч рублей!» Неплохо, кивнула я. И в следующий раз пойдешь сделай уколы в мозг. Но – люди такие люди, часть из них, увы, подавляющая – по граблям прогуливается регулярно.

Я сунула телефон в карман пальто и нажала на кнопку вызова диспетчера. Тишина.

– Черт.

Был бы на моем месте кто более впечатлительный, списал бы все на проклятие ведьмы. До моего слуха донесся странный гул, словно топот множества ног, и крики, и пахло... Пахло отчетливо.

– Что?..

Я вынула телефон. Мужу спасибо – научил не паниковать. Никогда не паниковать, что бы ни происходило. Связь работала, но была не слишком стабильна.

– Я нахожусь в бизнес-центре «Рассвет» на Яблонской. В здании, похоже, пожар, пахнет дымом, я в лифте на шестом этаже второго подъезда.

А ведь Андрей погиб точно так же, пронзила острая, ненормальная, неуместная мысль. Они эвакуировали людей через лифт – это был единственный возможный путь. Запретный, но возможный, и можно было бы подождать, пока приставят к окнам пожарные лестницы, но – несмотря на то, что формально действия противоречили всем существующим правилам, пять человек они успели спасти и спустить их вниз, но вот когда лифт вернулся за ними...

Наверное, все было так же, как здесь сейчас. Странные темные клубы, проникающие сквозь вентиляцию как проклятие из фэнтези-фильмов. Замигавший и затем погасший свет. Враз ослабевшее тело и осознание – пожарные ко мне уже не успеют.

Я стащила пальто, легла прямо на пол, укрыла голову. Мне остается только ждать, и, может, ко мне еще придет помощь. Что там загорелось? Да что угодно, вспыхнуло вмиг, заволокло ядовитым дымом. Хорошо, что я в этом лифте одна. Хорошо, что мне некого оставлять – друзья, да, для них это будет ударом, но не родители и не дети. Хорошо, что я со спокойной

душой могу встретить внезапную гибель: всю жизнь я посвятила тому, чтобы те, кто решил пожить за чужой счет, получили по заслугам. Все, кто считал, что урвать несправедливого пирога попытаться можно, плакали после над этим вырванным у кого-то куском. Было ли мне их жаль хотя когда-то?

Вот эту «ведьму», к примеру, а успела она уйти или нет?

Я плотнее запахнулась в пальто. Дышать становилось все труднее, мне очень хотелось вздохнуть, но легкие резало как кинжалом. Я выживу, обязательно выживу, пообещала я себе. У меня впереди процесс, на котором супруг трясет брачным контрактом – обожаю оспаривать эту чушь, за всю мою многолетнюю практику еще ни разу брачный контракт не был составлен как надо. Затем – неплательщики алиментов, мать, сбросившая троих детей на руки престарелой бабушке – я взяла со старушки символические триста рублей, ничего, доберу за счет клиентов с «Айфонами». Все эти наглые несправедливые граждане с нетерпением ждут, чтобы суд вынес решение в пользу моих клиентов, и так и будет, я это знаю...

Сознание заволакивало тьмой, и я подумала – лучше, если я действительно немного посплю?

Но сон мой оказался недолг. Я только закрыла глаза, как кто-то затряс меня за плечо. Я дернулась – нашли время, но сразу вспомнила все и встревожилась.

Я успела сесть непонятно зачем, завернулась в пальто и плавала в белом мареве, душном и влажном. Глаза начало немедленно жечь, я зашипела, поняв, что тушь не выдержала и все-таки потекла, а тот, кто пытался меня разбудить, стоял напротив и расплывался. Высокий, темный, на голове удивительно белая каска. Я сморгнула слезы – женщина?

– Простите, сестра. Лоринетта упала без чувств. Ох, я говорила вам, что она в тяжести. Какой грех.

То, что было за спиной говорившей, не походило на стены лифта, зеркальные, как большинство лифтов в бизнес-центрах. Это было что-то вроде комнатки, утопающей в удушающем аромате стирки...

Стирки? В голову пришла странная ассоциация, но это в самом деле был запах дешевой прачечной.

– Послать за матерью-настоятельницей, сестра?

– Погоди...

Что это такое? Последствия того, что я надышалась дымом. Что-то случилось с моим мозгом, такие видения и не только, самые настоящие галлюцинации – зрительные, звуковые, осязательные, возможно, я нахожусь в коме в больнице. Я ущипнула себя – болезненно, но это спящий мозг мог среагировать на уже возникшую боль.

Потерянно я смотрела на свои незнакомые руки. Короткие ногти – ладно, местами застарелые уже мозоли. Кость намного тоньше, чем была у меня, по кистям видно, что конституция стала изящней. На мне не пальто, как я могла бы предположить, не брюки, а нечто вроде длинного серо-синего платья, я непроизвольно дернула ногой – на ступнях вместо кед болтались непонятные мюли.

– Сестра?..

Моя рука потянулась к груди. Креста нет, значит, «сестра» – все же родственница? У меня нет и не было никаких братьев и сестер и неоткуда возникнуть подобным мыслям. Мое подсознание не могло сотворить такой бред – с таким же успехом я могла бы услышать обращение «госпожа доктор». Никто никогда так не говорит ни на одном из тех трех языков, которые мне известны, включая русский, родной...

– Иду.

Тело поднялось против воли – легкое, казалось, что я стала существенно ниже ростом, и было так странно потерять эти пятнадцать сантиметров или чуть больше, над моей головой

нависал деревянный закопченный потолок, взгляд поймал дрожащий свет свечей в стоящем рядом подсвечнике, слух уловил крики боли и страха.

Кто бы я ни была, за помощью сейчас явились ко мне?..

Глава вторая

Меня пугало и одновременно восхищало ощущение того, что тело – не мое. Оно плохо мне подчинялось, так посреди ночи пытаешься пошевелить затекшей рукой или во сне стремишься сбежать от опасности. Меня пугало и восхищало, что все, что я вижу, не то чтобы мне незнакомо – оно со странного ракурса. Я смотрю на людей – на эту вот женщину – снизу вверх, как смотрела на взрослых подростком, и в то же время то, что меня окружает, давит на плечи. Я стала другой или мир стал другой?

Но ноги шли, руки двигались, легкие вдыхали тяжелый пар, по виску бежала капля соленого пота. Я даже мюли не потеряла, пусть пол был неровный и споткнуться было раз плюнуть. Я спешила на чей-то крик, мне незнакомый, и на пятки мне наступала, торопилась женщина, злобно бормоча в спину:

– Сообщить матери-настоятельнице, сестра. Не место в нашем приюте развратницам. Какой пример! Лоринетта, помяните мое слово, сестра, в тяжести уже приехала сюда. Но кто знает, сколько раз она успе...

– Помолчи, несносная! – выпалила я, и воздух в легких кончился. Голос был не мой, слова не мои, я скорее бы рывкнула на нее куда резче, как на ведьму сегодня... Лицо мое заливал пот, я утерла лоб рукавом платья, обратила внимание на белые, будто школьные, манжеты, сделала шаг, наблюдая, как из-под подола высунулась тряпочная туфля и тут же угодила в грязную лужу.

– Сестра Шанталь! Да поможет нам Лучезарная своей бесконечной милостью, Лоринетта отходит в Пристанище ее!

Еще одна девушка, выбежавшая мне навстречу, была совсем еще юная, изможденная, лицо ее было пугающе красным, а руки – распухшими и сморщенными, как от воды, и в глазах девушки не было страха или сочувствия – только принятие.

– Отмучилась, – пролепетала она, а я вздрогнула от резкого, невероятно громкого крика, оттолкнула девушку и бросилась в широкий проем за ее спиной.

Это была огромная комната, утопающая в смраде, белой взвеси пара и жаре, со всех сторон шипел и плевался в котлах кипятки и пылали топки, ноги мои оказались в воде, но, ни о чем не думая, вообще отказываясь воспринимать эту странную, слишком осязаемую реальность, я подбежала к женщинам, толпящимся возле кого-то, корчившегося на полу.

– Вон пошли все! – вот теперь я на них уже заорала, кого-то отпихнула, упала на колени прямо в лужу рядом с кричащей от боли женщиной. – Вон все, распахните окна, дайте воздуха, скорее, и позовите врача! Быстро!

Почему я не крикнула «звоните в скорую»? Правильно, логично, разумно? Женщина то хныкала, то издавала резкий, полный боли и страдания вопль, она свернулась на грязном полу, схватившись за живот, а я судорожно вспоминала, как отличить выкидыш от перитонита. К сожалению, что мои учебники, что книги родителей говорили больше о людях уже не живых, а Андрей был газодымозащитником, а не парамедиком, и его пособия могли помочь только пострадавшим от пожара. Так что? Что с этой несчастной?

Женщины вокруг меня продолжали шептаться, реветь, делали какие-то странные жесты, и никто из них не двинулся с места.

– Вон! – я едва не сорвала голос. – Откройте все окна и позовите врача, иначе сгною вас на заднем дворе! Лишу крова!

Что испугало их больше, я не поняла. С визгом они кинулись врассыпную, кто-то открыл наконец окно, в душное помещение ворвался прохладный воздух, разогнав палящий жар, я осторожно ощупывала кричащую женщину. Может, боли действительно были невыносимы,

или она была перепугана, или я что-то делала не так, но она визжала сильнее, когда я к ней прикасалась, и стремилась закрыться от меня.

– Лежи смирно! – я несильно ударила ее по щеке. – Хуже я тебе не сделаю. Отвечай, где боль сильнее всего? Ну?

Женщина прижала руку чуть ниже груди. Желудок или что-то рядом, сообразила я и недовольно стрельнула глазами на дамочку в белом чепце, которая первая пришла ко мне за помощью. Вряд ли беременность, но вот прободение язвы могло случиться вполне. И абсолютно не удивляло, что кукушка в чепчике ляпнула первое, что пришло в ее безмозглую голову.

И самое ужасное, я не знала, что с этим делать. Я не была уверена, что хоть сколько-то верно поставила диагноз – я даже скорой не стала бы озвучивать свои догадки и предположения, а сейчас я могла только молиться, чтобы как можно скорей пришел...

Молиться? Я не молилась никогда и никому, но мысль мелькнула, приведя меня в замешательство, и тут же исчезла.

– Открой рот, – попросила я, вспомнив еще один симптом, и женщина послушно разлепила губы. Я прищурилась, со знанием дела попытавшись понять, сухой у нее язык или нет. Разогнуться она не могла, и все это мне говорило, что ничем хорошим это не кончится...

Никогда я жизни я не ощущала себя настолько беспомощно. На моих глазах умирал человек, и что-то в подсознании мне твердило, что на врача рассчитывать не приходится. Что все, что я вижу вокруг себя, слишком далеко от того, к чему я привыкла, на что я могла положиться всегда или почти всегда, что лучшее, что я могу, прочесть над несчастной молитву...

Опять молитва?..

– Сестра?

Я не повернула головы, продолжая судорожно ощупывать лежащую женщину, но той, кто заговорила со мной, мое внимание исключительно к ней оказалось не нужно.

– Сестра Шанталь, она совсем как Онория. Не верьте ей, сестра.

Я убрала руку с живота больной и наконец обернулась. На меня смотрела смуглая, похожая на цыганку девушка с вьющимися волосами, и в черных глазах ее плескалось самодовольство.

– Лоринетта хочет отсюда сбежать, – продолжала «цыганка». – Как сбежала Онория. И да хранит нас Лучезарная, никто из нас из-за нее не хочет снова стоять в трехдневной молитве на заднем дворе вместо сна. Помилуйте нас, сестра.

К нам подошла еще одна девушка, почти ребенок, очень похожая на ту черненькую, которая так откровенно и без малейших угрызений совести выдала свою товарку. Я покосилась на стонущую Лоринетту – она напряглась, и гораздо сильнее, чем когда корчилась на полу, ожидая, пока я вмешаюсь.

– Тереза видела, как Лоринетта с кем-то шепталась на заднем дворе, – тихо, чуть кивнув на девочку, проговорила «цыганка». – Да и взгляните на нее, сестра, боль ее больше не мучает. Правда, Лоринетта? Не покарает ли тебя Милосердная за то, что ты врешь сестре под крышей Дома святого?

Лоринетта змеей взвилась с пола, в грязном платье с замызганным фартуком, с растрепанными волосами похожая на помойную замарашку, и рванулась к горлу «цыганки», кто-то взвизгнул, но «цыганка» оказалась проворнее и сильнее и вмиг вцепилась в волосы Лоринетты, опрокинув ее обратно в лужи.

– Ах ты двуличная дрянь! – зашипела «цыганка». – Работать тебе, девке гулящей, тяжело? Так ты же не подыхала с голоду и холоду в городской подворотне! Не ты воровала у торговцев хлеб, чтоб прокормить вон их! – она мотнула головой в сторону Терезы, а я подумала – почему «их»? Тут же одна девочка? – Да ты святым сестрам ноги должна целовать за кров и пищу, паршивка неблагодарная!

Лоринетта быстро пришла в себя. Дотянуться до «цыганки» она не могла, но ударить все равно попыталась.

– Да знаю я, как ты воровала, и кто из нас гулящая? Убери от меня руки, ты, голодранка, проклятое отребье!

– Ты кого назвала отребьем, мерзавка?

Драки – то, что я никогда не могла взять в толк. Бессмысленные попытки доказать кому-то чего-то, но впервые в своей жизни я видела не возню двух нетрезвых баб под смешки делимого мужика и его собутыльников, а жестокую свару по какой-то неведомой мне причине, хотя, казалось бы, обе женщины сказали мне более чем достаточно. Я подскочила на ноги, снова подсознанием отметив, что я молода, намного моложе, чем была... – или чем есть? – обернулась, заметила стоящую рядом бадью – на вид с холодной водой – и плеснула на сцепившихся женщин. Как на дворовых котов, пусть мне никогда не пришлось бы в голову обливать ледяной водой животных, но люди – к чему жалеть людей, когда они в состоянии сами отвечать за свои поступки. Женщин тут же растащили подоспевшие... кто они им? Подруги? Приятельницы? Коллеги? Это же прачечная, значит, работа? Что я, которую называли сестрой Шанталь, делаю в прачечной, жду церковный заказ?

– А ну, всем работать! – негромко, но сурово и в то же время без тени раздражения приказала я. Нет, осенило меня, не я, я среагировала бы иначе. – А вы двое, – я ткнула пальцем в Лоринетту, затем в «цыганку», – на задний двор вместо сна! Покаяние на три дня, – я снова перевела палец на Лоринетту, – а тебе покаяние на неделю заслушание!

Что-то в этом было неправильно. Я не стала разбираться ни в чем, проявила власть и непонятную мне пока волю, причем, судя по лицам обеих наказанных женщин, моя кара была еще легкой. Чувствуя, как голова у меня начинает кружиться, а спертый, влажный и горячий до невозможности воздух жжет легкие, я огляделась.

Огромный зал. Бетон, подумала я вначале, но нет, камень, серый камень, с которого не капает, а льется конденсат, жар пламени под котлами, огромные чаны, в которых варится чье-то белье. Сестра-наставница или надсмотрщица, женщины, бесправные, покорные, лишь изредка пытающиеся взбрыкнуть и тут же принимающие наказание, каким бы жестоким и бесполезным оно ни было, бывшая бездомная воровка и девушка, потерявшая честь где-то с кем-то когда-то так, что многие здесь считали, что она в положении... Я уже знала о таких заведениях? Безусловно. Я снова утерла пот с лица. Не слишком интересуясь историей, не особенно уверенно сдавая экзамены в институте, почти не включая кино и редко читая книги, я все равно уже слышала о таком.

Подсознание или просто какая-то память? Реальный, кинематографичный, удушающий бред.

Я покачала головой.

– Идите за мной, – махнула я рукой. – Вы двое. Лоринетта и ты... как тебя зовут?

– Консуэло, сестра, – глаза «цыганки» расширились от удивления.

– А остальные – работать!

Я развернулась и вышла из душной прачечной. Я не знала, куда меня ноги несут, понимала лишь, что мне нужно увидеть. И я почти бежала по коридорам – сначала узким проходам здания, и вне прачечной потолки были деревянные, закопченные, низкие, с пятнами то ли нагара, то ли огня, потом – по галерее со сводами и ликами, потом – по красивой, яркой и гулкой церкви, и все это время за мной неотступно следовали Лоринетта и Консуэло. И наконец я вылетела из дверей красивого храма и повернулась направо – туда, где, я знала, увижу подтверждение пришедшим на память странным словам.

«Приют благочестия и спасения и чадолюбивый кров Святой Мадлин».

Глава третья

– Прочитайте, что здесь написано, – надтреснутым голосом велела я. – Можно не вслух. Я сама перечитала не один раз. Сюр какой-то. Одна часть меня хотела завывать, другая крепилась – видимо, та самая часть, которую звали сестрой Шанталь и которая была в приюте за старшую.

Приют благочестия и чадолюбивый кров. Детский приют, если перевести на язык нормального человека. Мне самое место и там, и там.

– А теперь идем со мной, обе, – приказала я. – Помня о главном: благочестие и спасение.

Благочестие и спасение. Последний приют Магдалины закрыли в девяностых годах двадцатого века, и, как считали некоторые исследователи, причиной закрытия было не изменение отношения к женщинам, а повсеместное распространение стиральных машин. Стирка – не просто доходный бизнес на слезах, но еще и символ: очищение.

Приюты Магдалины. Место, где страдали несчастные, кому в жизни не повезло. Слишком бедные, слишком развратные. Слишком красивые или слишком богатые. Вроде бы не монастырь. Институт исправления, сказали бы мои цивилизованные коллеги, слегка при этом поморщившись. Страшное, немыслимое карательное заведение – как и почему в нем оказалась я?

В здании церкви было тепло и пахло свежими цветами. Горели свечи; краски и убранство поражали воображение. Католические и протестантские храмы, которые я видела, были иными, более скромными, настраивающими визитера на аскетизм. Этот храм напоминал православный – но скорее греческий, чем русский, здесь не было золота, не было и икон. Я осталась против изображения молодой женщины в синих одеждах. Не фреска, как в галерее, не статуя, а словно кукла из папье-маше. Удивительно тонкая работа, подлинное произведение искусства. Какая-то святая или божество этого мира...

Этого мира? Глупое, как все сказочное, слово «попаданка» пискнуло в рассудке. Этого же не может быть, привычнее думать, что я в коме. Но привычнее – значит ли правильное? Отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие. Если не с кем торговаться, есть ли резон гневаться и отрицать?

Девушки ждали, пока я соизволю определиться, куда мне идти, что делать дальше. Я неожиданно для самой себя опустилась на одно колено и поцеловала край ниспадающей одежды куклы, а потом низко склонила голову, прикрыв лицо руками. Что это должно было значить и откуда у меня этот жест, я предпочла не задумываться. Откуда и абсолютно чужие слова в моей речи: от тела сестры Шанталь.

– Идем.

Пожалуй, сестра Шанталь суровее, чем была я в ее возрасте – бесспорно. Она моложе – это заметно по тому, как она двигается, изящнее, легче, вряд ли трудится с утра до ночи, и скорее всего образована и неплохо. Руководить таким местом – как минимум нужно знать счет и грамоту, и не на уровне «прочитать название». Что сподвигло молодую и, возможно, красивую женщину уйти в монастырь, и монахиня она или послушница? Что это изменит лично для меня?

Мы покинули церковь и шли по коридору. Уже другому – каменному, без малейших признаков дерева, и галерея с фресками осталась в стороне. Что-то хозяйственное, решила я: мне попадались тюки, ящики, какие-то доски, грязные ткани, сваленные в кучу. Мимо нас прошмыгнула кошка, запрыгнула на тюк и начала брезгливо вылизываться. Откуда-то тянуло теплым молоком, мне показалось, что я различаю детские голоса, но в целом все было тихо. Какое место – где-то умиротворение, где-то кошмар, и все это уживается под одной крышей.

Пытаясь понять непонятное и объять необъятное, я провела – позволила чужому подсознанию провести – девушек в небольшую комнатку, где удушливо пахло чем-то, похожим на ладан, но менее сладким – я бы сказала, что так могла пахнуть дорогая туалетная вода унисекс. Ничего лишнего, кроме тлеющей жаровни – подобия мангала с углями и решеткой, на которой были набросаны почти сгоревшие уже травы, видимо, они и издавали такой запах, крепкого деревянного стола с ящиком, такого же массивного стула, покрытого синей тканью. На столе стояла небольшая статуя все той же женщины, которой я помолилась – на этот раз был гипс или нечто похожее, и лежали с краю плотные листы бумаги. На изящной деревянной резной стойке примостилась серебряная чернильница и рядом – гусиные перья.

Я села, девушки остались стоять. Не самое успешное начало разговора, но посадить их было некуда, а если бы я начала метаться в поисках подходящего места, вряд ли сделала бы лучше себе. И так я с трудом скрываю растерянность.

– Расскажите, как вы попали сюда.

Мне нужно сравнить то, что я знаю, и то, что творится здесь. История повторяется, но работает ли это правило в разных... мирах? Разные миры – мне такое не пришло бы в голову даже в бреду. Не мое это было – выдумки, фантазии, сказки кончились примерно в то время, когда я пошла в первый класс.

– Консуэло. Сначала ты.

И все же – как мне это поможет? Возможно, никак, но опасно спешить с выводами.

– Как будто вы не знаете, сестра, – с вызовом ответила Консуэло. – Дядя выгнал меня с сестрами и братом на улицу, когда разорился и нечем стало кормить сирот. «Найдешь как прокормить», – так он сказал, а что дом отцовский и деньги материны...

– Стой! – я воздела руки вверх и тут же прикусила губу. В момент сестра Шанталь оказалась побеждена юристом. – Расскажи подробнее.

Консуэло посмотрела на меня задумчиво, натянула на лоб чепец, который и до драки съехал на затылок, и после этого демонстративно оглянулась на Лоринетту. Та была без головного убора – это что-то должно было означать?

– Матушка моя – дочь богатого купца, брат ее, Альфонсо, сын моей бабки от второго брака, а может, и не брака даже, – не слишком охотно пояснила Консуэло. – А отец мой – господин Гривье, был стряпчим. Я грамотная!

Сказала она это так, что я не стала скрывать удивления. Стало быть, грамота – удел не каждого здесь. Что же...

– И твой дядя взял над тобой и твоими сестрами и братом опеку после смерти родителей? – прозвучало для монашки, наверное, слишком заумно, но Консуэло все поняла.

– Да, сестра, – кивнула она. – Но когда дядя разорился, только дом и остался. И тот в залоге. И он выгнал нас, у него своих детей шестеро.

– И сколько ты... побиралась на улице? – Побиралась ли или Лоринетта права? Но Лоринетта молчала, потупив взор. Не хотела перебивать меня или ждала подходящий момент, чтобы вмешаться.

– Три года без малого, сестра, – отозвалась Консуэло с нескрываемой гордостью и вздернула голову, ни дать ни взять королева. В первую секунду я опешила, но сразу же поняла, что гордится она не тем, что была бродяжкой, а тем, что сумела на улице выжить. Возможно, выжили и ее сестры и брат. Спрашивать об этом было пока преждевременно. – Пока стража не поймала меня и не притащила сюда. Ох, как я обрадовалась. Можно честно работать и иметь над головой крышу, а на столе – горячую похлебку. И ведь есть еще и детский приют для Терезы, Микаэлы и Пачито.

– А ты? – спросила я у Лоринетты. История Консуэло была незатейлива и ужасающе несправедлива. Где-то рядом должно стоять побиение камнями и закапывание по плечи в землю, но о чем было говорить? – Хочешь сбежать, так почему не уйдешь?

– А кто меня отпустит, сестра?

Консуэло хихикнула, я нахмурилась и погрозила ей пальцем. Странно, но жест, который мог утешить разве что трехлетнего малыша, сработал. Авторитет монахини? Авторитет церкви?

– Ты же не пленница, Лоринетта. Хочешь уйти – иди.

– Да лучше падшей, сестра, чем отсюда в мир! – выкрикнула Лоринетта. – А то не знают, кто отсюда выходит? Такие вон, как она! – Она ощерилась, полуобернулась к Консуэло, но нападать не стала. Может, боялась осквернить святое место, мы все-таки были не в прачечной, а может, не хотела снова получить трепку. Но я была права, что она не угомонилась, а лишь на время затаила злость.

У этих девушек была странная, непонятная мне вражда, и вражда серьезная.

– Те, кто искупает грех благочестивым трудом? – я «выпустила» на волю сестру Шанталь. Вопрос экономического порядка. То, что насельницы работают как проклятые, понятно, то, что в стирке вроде бы нет греха, ясно тоже. Не все так просто? – Зайдя под крышу Пристанища Милосердной, вы оставляете суету и прах.

Красиво сказано, жаль, не мной, подумала я. Что дальше?

– Как ты здесь оказалась, Лоринетта?

– Отец отправил.

– Был повод?

Я смотрела выжидающе, Лоринетта мялась, Консуэло не скрывала злорадной улыбки. Одно я узнала – если мне Консуэло не лжет: здесь, как и в моем мире, угодить в подобие ада на земле можно было уже за то, что ты наследница или можешь сожрать лишний кусок. Консуэло могла и врать, как вралы – чаще недоговаривали и скрывали – клиенты юриста Елены Липницкой. И я позволила себе принимать все лишь как некую информацию, с которой предстояло еще работать и не один раз перепроверять.

– Не было повода, – наконец изрекла Лоринетта. – Ни у кого его тут нет. А эта черномазая врет все, она богемка обычная, еще и гадать умеет.

– Что?

– Что-о?..

Мне стоило сдержаться. Мне стоило загнать сейчас как можно глубже свою истинную натуру, которая вмиг могла меня погубить. Мне хватило каких-то десяти минут обрывистого разговора-допроса, чтобы понять: от наследницы – допустим, что Консуэло не лжет – до бесправной прачки всего пара шагов. Монахине или даже послушнице не пристало так ржать, как ржала я сейчас – до слез, покотившихся градом, до спазмов в животе. Это все «ведьма», та самая мошенница, которая «прокляла» меня, все дело в ней. Не верила я в проклятия, но подоплека бреда стала ясна.

И все же нужно было как-то выкручиваться.

– Сестра? – вытянула шею Консуэло, на всякий случай отступив на шаг назад.

– Гадание, – проговорила я, махнув рукой. – Не поминайте сие в этих стенах. Удел ярмарочных бродяг и глупых баб, золотящих им руки. Что говорит Святая Книга о гаданиях?

Хмурить брови у меня выходило отлично.

– «Неправедно пришедшее да будет отдано Милосердной», – выпалила Консуэло. – «Кто платит за неблагочестивый труд, сам противен в глазах Милосердной».

– Ты занималась неблагочестивым трудом? – спросила я. – Помни, что Милосердная прощает чужой кусок, но не прощает обман.

– Я каюсь, сестра, – потупилась Консуэло. И поди разбери, в чем именно.

Здесь была непонятная система – пока непонятная. Но, вероятно, и до наших ученых дошли не все тонкости права давних времен. Отголоски того, что я сейчас слышала, пытаюсь сохранить при этом невозмутимость, я наблюдала в современной мне англосаксонской системе

права. Прецеденты – та еще насмешка, но что когда-то секли шкафы и казнили стулья, что в двадцать первом веке запрещали носить не тот цвет нижнего белья лишь потому, что когда-то кто-то засмотрелся на виднеющиеся сквозь белую юбку красные труселя и наехал на остановку.

– Подите обе вон, – велела я. – И помните, вы в Доме святом. Покаяние не отменяю. Молитесь и думайте о грехе.

А может быть, это мой ад – специально? Я, кажется, не любила людей. Теперь мне от них никуда не деться, вот они, со всеми своими предрассудками, глупостями, сварами, и могут уйти, но не идут. С веками и течением времени – ни вперед, ни назад – ничего не меняется. Прогресс позволяет чесать языки о сплетни не на лавке возле подъезда, а за тысячи километров по связи 4G.

За девушками закрылась дверь, я встала и подошла к окну.

Пустой сад. Вереница прекрасных гипсовых статуй в ярких одеждах. Много цветов. Не видно ни единой живой души – возможно, это место не для насельниц. Но не могу же я быть в этом храме одна? Мать-настоятельница, как мне сказали, есть, ее же хотели позвать. Откуда позвать и кто она? И кто я? Черт меня побери, если здесь есть хотя бы черти, кто я?

Я всмотрелась в стекло. Слава богу – или той Милосердной, которая царит здесь, и как странно, что божество тут женщина, а права опять у мужчин! – что я в церкви, где тепло, сухо, ярко, есть стекла и наверняка вода и привычный мне туалет, а не в обычном средневековом доме. Не совсем средневековом – век восемнадцатый, судя по платьям, впрочем, насколько верно я могу определить? Все познания о подобном – музеи, в которые я иногда заходила от нечего делать, исторические советские фильмы, которые я смотрела еще ребенком, и картинные галереи, куда я заглядывала тогда, когда еще пыталась себя убедить, что я поклонник искусства. Итак, я с благодарностью всмотрелась в стекло.

Молодое лицо и вроде красивое. Темные волосы, апостольника нет, только синяя лента. Полные губы, большие глаза, правильные черты лица, и все это теряется в зелени и ярких красках на улице. У меня невысокий рост и еще совсем молодой возраст. Какого дьявола я ушла в монастырь?

Я вернулась к столу и пролистнула бумаги в стопке. Ни единой записи, но ничего. Я дернула ящик, почему-то предположив, что он плотно заперт и попытка моя будет тщетна, но он пополз по пазам, явив мне целую стопку исписанных и исчерканных листов такой же плотной желтоватой бумаги.

Что-то похожее на договор с местным портом. Город, где я живу, – Ликадия, перечень шхун, фамилии капитанов, табличка с перечнем переданного белья. Табличка была практически вся исчеркана и изобиловала цифрами, а внизу стояли две подписи под итоговой суммой, значит, договор был исполнен... Следующая бумага заставила меня вздрогнуть: некий Уильям С. Блок в счет уплаты долга казначейству монастыря передавал в работный дом приюта свою жену и двоих дочерей. Этот договор я отложила, начала смотреть следующие. Договор на поставку питания – в монастырь, судя по количеству еды: немного; и качеству: свежий постный хлеб, свежие овощи, свежая рыба, фрукты, каши и молоко. Вторая страница договора содержала уже другой список: хлеб, молоко, мясо, мука грубого помола, овощи, и указание на свежесть не фигурировало. Кто другой не обратил бы внимания – только не я. Продуктов для приютов было гораздо больше, чем на странице с питанием для сестер и послушниц.

Опять договор на стирку... еще один, и еще. Бумага от какого-то купца о поставках щелока, если я правильно поняла, для стирки. Что-то, что я назвала бы «спецификацией» или «коммерческим предложением» – от кузнечной мастерской. И еще один договор о продаже сестры и двоих ее детей...

Я с содроганием перечитала имена, которые увидела в договоре. Консуэло мне солгала? И никто не знал правды?

И в этот момент по ушам хлестнул громкий и отчаянный звук гонга.

Глава четвертая

В прошлой жизни...

Мне нужно привыкнуть, что жизнь разделилась на «до» и «после», на «прошлую» жизнь и «нынешнюю». В прошлой жизни я однажды проснулась от воя сирены и долго лежала, вытянувшись под одеялом, не зная, что делать, куда бежать, да и стоит ли? Есть ли смысл? Это была не тревога и не учения, что-то где-то сработало на ближнем шлюзе, и звучала сирена от силы тридцать секунд, но мне показалось тогда – прошла вечность и жизнь промелькнула перед глазами – пафосно, но довольно точно. И состояние ужаса не отпускало меня еще где-то с час.

Сейчас я поняла очень быстро, что гонг – рядовое событие, что-то вроде звонка после уроков – пугаться не стоит. Коридоры наполнились людьми – я не слышала голоса, лишь сбивчивый шепот и шаркающие шаги, поэтому я встала и вышла из комнаты.

Насельницы стекались в дальний конец здания, и я вспомнила, что оттуда тянуло молоком. Обед? По времени не было похоже на ужин, но что я знала о местных порядках? Зато я кое-что знала уже о провианте, и стоило посмотреть, как все происходит, начать хотя бы с чего-нибудь.

Я пропустила всех женщин – молодых и старых, или они состарились преждевременно от невыносимого труда, и худеньких, и очень полных, все они были одеты в одинаковые серые грубые платья, и головы у кого-то были покрыты, у кого-то нет. Вероятно, в привычке сестры Шанталь было так же стоять у стены, сурово осматривая женщин, ни у кого не вызвало удивления, что я оценивающе смотрю на них. Разве что некоторые опускали голову ниже и ускоряли шаг.

Наконец прошла последняя насельница и больше не было никого. Я подождала еще с полминуты и вошла в обеденный зал. Гулко, холодно, кислая вонь, и перебивающий ее запах молока – единственное, что примирило меня с увиденным. Запах молока умиротворял, и если не открывать глаза, похоже на милые ясельки, только не гукают дети и не щебечут нянечки.

Если вслушаться, то основным звуком было жужжание мух. Они летали по всему залу и напоминали растревоженный пчелиный рой – жирные, смачные, мерзкие мухи. Меня замутило, но тут же я сказала себе – возможно, это еще не самое страшное, и не спеша пошла вдоль столов.

Насельницы спокойно сидели, негромко переговариваясь, к ним подходили женщины в грязных фартуках и ставили на стол котелки, один на пять-семь человек. Затем они возвращались – я назвала это стойкой, но больше напоминало рабочий стол рядом с огромной заляпанной плитой-печью, брали еще один котелок, шли к обеденным столам и ждали, пока женщины положат себе варево из первого котелка. Я припомнила, что было в списке: хлеб, мясо, мука, овощи, и, наверное, в котелках и были овощи в комках муки. Лук и мука, перемешанные друг с другом, и изредка я могла рассмотреть соцветия «брюссельской капусты» – здесь она несомненно называлась иначе и цветом отличалась – неприятно-фиолетовая. На тарелки тотчас садились мухи и приступали к трапезе куда раньше, чем женщины.

Дождавшись, пока насельницы поделят склизкую гадость, именуемую гарниром, работницы столовой – простоты ради я назвала их пока так – черпали из котелков, которые они на стол почему-то не ставили, куски жирного бледного мяса и плюхали их на тарелки. Мухи взлетали, недовольно жужжа, и накидывались на мясо, насельницы лениво отгоняли их ложками и, коротко помолвившись – я поняла это по низко склоненным головам и прикрытым руками лицам, я делала так сама возле статуи, – принимались за обед.

Что-то меня крайне смутило, и я не смогла себе сходу сказать, что именно. Помимо мух и еды и помимо того, что я ожидала от столовой этого времени чего-то иного. Но здесь уже знали ложки, грубые, деревянные, обкусанные, и тарелки были такие же деревянные, старые,

все в щербинах. Я медленно шла и бесцеремонно заглядывала в тарелки. Если мне и хотелось есть, то сейчас желание было отбито напрочь. Грязь и мухи, вонь, полнейшая антисанитария.

Я прошла вдоль одного ряда столов, вдоль второго. Насельниц было человек пятьдесят, с краю последнего стола уселись те, кто работал – в этот день или вообще – на кухне, и пазл у меня внезапно сложился.

– Положили ложки, выпрямились, вытянули перед собой руки так, чтобы я их видела! – громко сказала я и снова пошла вдоль столов, обращая внимание теперь уже на другое.

Нет, мне не показалось. Я пристально смотрела на руки женщин, затем – на них самих. У тех, кто работает здесь давно, руки более грубые, распухшие, у многих уже артрит и щелок проел кожу до язв. Кто-то выглядит истощенным, кто-то, напротив, наел бочка, а в тарелках у женщин, если исключить перемешанный с мукой лук, разные порции мяса. И у большинства насельниц бочка прекрасно сочетается с мясом, а количество мяса абсолютно не вяжется с нагрузкой рук.

– Можете трапезничать, – позволила я. – Молитесь усерднее перед вкушением пищи. – Сестра Шанталь показывала нрав, но я ей не мешала. Пусть, потому что если я начну затыкать ее, все обернется хуже, для меня в первую очередь. Я дошла до конца стола, повернулась к работницам кухни. – Вы. Положили ложки и встали.

Осчастливить против желания невозможно? Все может быть. Справедливость не насытишь насильно. Но это лирика.

– Почему вы кладете всем разное количество мяса?

– Сестра?..

Я хмурила брови и косилась на столы. Изумленное донельзя лицо Консуэло я заметила. Ей тоже не положили достаточно мяса, как и Лоринетте.

– Отвечайте. И помните: лжете мне – лжете самой Лучезарной.

Мне и без оправданий было понятно, что еда распределяется по какому-то очень далекому от заслуг и состояния женщин принципу. Кто-то недоедал, кто-то переедал. Женщина, сидевшая сразу справа от меня, лоснилась от сытости и смотрела на свою тарелку жадно, не рискуя схватить кусок мяса не мяса, но жира под видом мяса, пока я нахожусь рядом. На тарелках работниц кухни тоже не лежало исключительно луково-мучное месиво.

– Что молчите? Как тебя зовут? – указала я пальцем на самую упитанную и наглую с виду кухарку – я решила называть ее так.

– Марселин, сестра, – ответила та на удивление робко. Сестра Шанталь была не самой человеколюбивой и до того, как я оказалась в ее усмирной молитвами и воздержанием плоти?

– И почему на твоей тарелке мяса больше, чем на всем этом столе, Марселин? – Я обвела кухарок взглядом, далеким от доброго. – В Доме святом все работают одинаково и все вкушают от милости Лучезарной поровну. Встали и разнесли всем равное количество еды.

По столовой пронесся взволнованный шепоток. Сестре Шанталь не приходило это в голову, но, может, подумала я, она здесь недавно, потому что Марселин, в отличие от Консуэло, не удивилась тому, что я спросила, как ее имя. Под потрясенными взглядами кухарки принялись раскладывать на тарелки товаров недостающее мясо, и мне было наплевать, что это уже не столько еда, сколько объедки.

– Стой, – прикрикнула я на проходящую мимо кухарку. – Ты здесь всегда работаешь? На кухне?

– Да, сестра, – ответила она сдавленным шепотком. – Это мое послушание.

Я втянула воздух сквозь зубы и, кажется, даже неслышно выругалась.

– С этого дня на кухне работаете по очереди. Если увижу, что опять кладете себе или кому-то больше мяса, чем другим, назначу покаяние на три недели и аскезу на хлебе и воде.

Кому-то не повредит, – ухмыльнулась я, задержав взгляд на самой упитанной кухарке. – И еще. После трапезы те, кто сидит за этим столом...

Я указала вправо, но на самом деле мне было без разницы, кому поручать эту миссию, я не могла смотреть на подобный свинарник... если бы свинарник был в таком состоянии, любой фермер или директор совхоза разогнал бы работников в один миг. Часто люди перегибают палку, придумывая метафоры.

– Возьмете тряпки, щелок... – на меня обернулись, кажется, все, – ...тазы, ничего, бельё после достираете, и вымоете здесь все от и до. Столы, полы, стены, потолки, тарелки... сначала помещение, потом посуду. Посуду вымоете в чистых тазух... выделите штук пять, отмойте их, залейте кипятком, после оставьте их для нужд кухни. Каждый раз моете эти тазы, поняли? И посуду, и тазы, и столы протираете после каждой трапезы! Полы моете каждый вечер! Все отходы... – Я что-то не то несу, на меня смотрят уже с откровенным ужасом? – Все, что не доедено, что испортилось – выкиньте отсюда вон. В конюшне мух меньше, чем здесь! Марселин?

Она подбежала ко мне так поспешно, словно ждала неминуемой кары и надеялась, что чем раньше я ее – может быть – прикажу высечь, тем быстрее для нее все закончится.

– Покажи мне, где хранятся продукты. Что ты стоишь?

Марселин кинулась куда-то в малоприметную дверь, я, слегка задохнувшись от идущей оттуда вони, отправилась за ней. Все, что попадало на эту кухню, как мне стало понятно практически сразу, пропадало через день или два... Мухи облюбовали какую-то неприкрытую плоскую и мало того что устроили там пиршество, еще и успели отложить яйца.

– Выкинуть! – Я едва не взвизгнула, но сдержалась. – И это. И... – Я сунула нос в глиняный бидон. – Молоко все испортилось. Где погреб?

Марселин ткнула дрожащей рукой в угол.

– Пошли туда.

В погребе еда сохранялась неплохо. Тут было прохладно – холодно, я бы сказала, и прямо из стены текла прозрачная ледяная вода – я опустила в ручеек руку и отдернула ее от неожиданности. Наверное, это был какой-то подземный источник, и то, что он был подземным, я сочла главным его достоинством.

– Дай мне чистый стакан, – приказала я. – О госпо... Милосердная, я сказала тебе – чистый!

Откуда у меня выплыло это – то, что в эти времена не пили воду, предпочитая разбавленное вино, гарантию хоть какой-то, но дезинфекции? Может, попадалась статья в интернете, может, какая-то редкая грамотная книга. Эпидемии холеры и дизентерии распространялись с фантастической скоростью и косили жителей средневековых городов не хуже ковровых бомбардировок. Где-то в реку стекали сточные воды – те самые, которые брали начало из отхожих желобков под стенами зданий, где-то на берегу реки устраивали уютное кладбище. Этот источник показался мне неплохим – да, он играл роль охладителя, я же хотела проверить, как долго простоит набранная из него вода, оставшись свежей. Не самый надежный способ убедиться в безвредности, но начинать с чего-то мне надо.

Кружку я заставила вымыть и не один раз. Пока Марселин, посылая на мою голову негромкие проклятья, но я их отлично слышала, бегала туда-сюда, я осмотрела погреб. Еды много, она неплохого качества – но крупу надо перебрать, часть выбросить, клубни уже не спасти, капуста начала подгнивать... Если не привередничать, то есть можно, но это будет в последний раз, пока не привезут новые продукты и я не посоветуюсь с поставщиками, которые определенно должны знать, в каких условиях что хранится.

Я набрала воды, приказала отнести кружку в мой кабинет. Подобно злой мачехе, раздала насельницам задания в погребе. Тут было темно и зябко, но я сделала вид, что ничего этого не замечаю. Мыть, избавляться от испорченной еды, еще раз мыть и ликвидировать мух.

Может, мне так было проще, а может, я признала, что мне никуда не деться из этого рабочего дома. Приют святой Мадлин. Благочестие и спасение. Это на вывеске, а копни – злоба, ненависть, унижение, неравноправие, грязь. Есть еще и чадолюбивый кров – и тут мне надо сперва посмотреть, кто из женщин лучше справится с работой по кухне, чтобы поручить навести им порядок и там. Пересилить свое «ничего не хочу знать» и выяснить, в каких условиях живут дети. Я предполагала, что там большой ад, но я еще не видела спальни насельниц...

Женщины суетились. Они были привычны к тяжелой работе, но не понимали, чего я от них добиваюсь, и старались от сердца через то место, с которым легко спутать сердце как символ Дня святого Валентина. Кто-то свалил тарелки в таз и усиленно намывал их, а кто-то там же решил отполоскать тряпку, которой до того мыл грязный стол. Еле удержавшись от крепких и неподобающих святой сестре выражений, я отобрала тряпку, заставила вылить воду, вымыть таз еще раз и объяснила элементарные правила гигиены.

Кто бы мог подумать... почему, впрочем, нет, поморщилась я, мне еще предстоит увидеть, как здесь работают медики, цирюльники, повитухи. Прогрессорство? Какая мне то и дело попадалась навязчивая реклама – построить атомную электростанцию при дворе Людовика Четырнадцатого? Начинать придется с того, что перед едой нужно мыть руки. И, как я предполагала, усвоят эту истину не с первого раза.

Я, наверное, была неправильной женщиной, потому что всегда любила домашний физический труд. Так было заведено в моей семье – все поровну распределяли обязанности. А с Андреем – с Андреем у нас все было так здорово... и слишком недолго. Всего семь лет. Семь лет счастливого, очень счастливого брака. И в какой-то момент я подумала – если я встречу его где-то здесь?..

Но пока я мыла тарелки: демонстрировала, как это надо делать; показывала, как сушить посуду; заставляла в который раз перебивать столы, стены и пол; спускалась в погреб и проверяла, насколько тщательно перебирают продукты. Я не чувствовала под собой ног и руки мои жгло то от щелока, то от кипятка. И все равно меня успокаивал хоть в чем-то привычный ход событий, внося в хаос иллюзию порядка и упорядоченности.

Я любила домашнюю возню. Как и Агате Кристи, самые крутые идеи мне приходили во время мытья посуды, пусть я писала не книги, а исковые заявления и возражения на них...

– Откройте окна шире, – устало выдохнула я и утерла льющийся со лба пот рукавом, заодно осмотрев столовую-кухню будто бы новым взглядом.

Не светло – к тому же уже темнело стремительно, с улицы тянуло прохладой и чем-то терпким, какими-то вечерними цветами, – но женщины расставили на столах свечи, теперь пахло распаренным деревом и смолой. Не светло, но относительно чисто, вонь исчезла или ее перебивал аромат цветов и смолы, и под ногами не скрипело и не шуршало, и мухи начали пропадать, переместившись на улицу, к помойным ведрам.

– Откройте окна шире, кому я говорю!

Никто не тронулся с места. Напротив, Марселин, взглянув на меня с неподдельным ужасом, протянула руку и закрыла единственную приоткрытую створку.

В столовой стояла мертвая, неестественная тишина.

Глава пятая

Вот это было уже нечто такое, что мне стоило просто принять. Есть вещи, когда следует сделать вид, что все нормально, совершенно нормально. Даже в нашей культуре существовали моменты, на которые нужно было закрыть глаза.

И все же мне было не то чтобы страшно, но не по себе.

– Ужин, – напомнила я негромко. – И потом закончите здесь все, завтра с утра я приду и проверю.

Насельницы закивали. Я смотрела на них и никак не могла понять: считают они то, что я приказала им делать, моей начальственной дурью, или обрадованы, потому что уборка кухни не настолько физически тяжела? И стирка, подумала я, эта стирка, от нее не деться уже никуда, то, что я видела в прачечной – невыносимо, слишком много усилий, слишком низок эффект, но хватит ли у меня практических знаний, чтобы что-то исправить? Возможно, что нет, но попытаться в любом случае стоит.

Кто-то из женщин все еще продолжал драить плиту. Похоже, ее не мыли десятилетиями, но сейчас она выглядела немного лучше, чем изначально. В столовой придется не прибрататься разово, но еще и поддерживать постоянный порядок, а как приучить к этому женщин, которые вряд ли привыкли к такой организации быта?.. Никак, приучить не выйдет, пока – только заставить. И заставлять до тех пор, пока для них это все не станет порядком вещей.

Я вышла из столовой. Я не хотела есть, понимая, что дело даже не в отвратительной кухне, а в стрессе. То, что внешне я была невозмутима, не значило ничего. Я полагала, что мое состояние больше похоже на шок, когда человек не чувствует боли и страха, продолжает жить, словно ничего не случилось, а ресурсы организма и психики на исходе. И так, меня может накрыть в любой момент.

Я решила навестить детский приют. Тяжело, я морально еще не готова, но надо увидеть, что меня ожидает там. Я постаралась не думать, куда мне идти, просто шла, держа в голове конечную цель, и очень скоро очутилась перед запертой дверью.

Массивная дверь с закрытым окошком и тяжелой медной ручкой. Взявшись за нее, я постучала и долго ждала, пока раздастся лязг окошка.

– Сестра Шанталь, – услышала я голос, и в просвете мелькнуло уставшее пожилое лицо. – У нас все хорошо, мы закрылись, дети все легли спать. Да хранит вас Милосердная.

– Да хранит Милосердная вас, – пробормотала я, и окошко закрылось. Ничего вроде странного, дети ложатся спать рано, особенно здесь, где нет электричества и вряд ли существует хоть какое-то подобие школы. Но что-то было не так, снова не так.

Я брела в свои комнаты и дошла до двери, ведущей в открытую галерею с красивыми фресками. К моему удивлению, дверь была заперта. Изнутри на засов, но – кто и когда запирает монастыри? Разве от внешней угрозы? Но сейчас, насколько я понимала, нет войн. А если предположить, что это предосторожность, чтобы не сбежали ни дети, ни женщины, то смысл запирает дверь таким образом?..

Я смертельно устала и осознала это только тогда, когда дошла до своей кельи. Как выяснилось, комнатки рядом с моим же кабинетом. Узкая кровать, узкое закрытое окно, жаровня, сейчас погашенная, сундук в углу, умывальник и кувшин рядышком, и три свечи на этом же столике. Удовольствие не из дешевых – свечи, подумала я, что-то вспомнив из того, что я знала, и еще – кто-то обслуживает меня, причем так, что я этого и не вижу. Преимущество моего положения – сервис как в пятизвездочном отеле.

Я начала раздеваться. Монашка – не знатная дама, и одежда ее была простой, такой, что одеться слуга Милосердной, как и раздеться, без вопросов могла самостоятельно. И пусть я не знала, как одевались в моем мире в эти времена монахини, мое платье здесь меня порадовало.

Я обнаружила, что сверху на мне не ряса и не роба – хабит? Больше смахивало на него, – скорее какая-то мантия, а под ней – белая льняная рубаша, жилетка и самые настоящие штаны! Я даже всмотрелась – не панталоны ли? Но нет, глаза меня не обманывали, я действительно была одета в штаны и, как я догадывалась, я могу снять хабит и ходить без него, и никто мне не скажет ни слова. Волосы не убраны под апостольник или вейл, как полагалось в моем мире, а собраны в подобие косы. Свободы определенно больше, и, возможно, это связано с тем, что верховное, а может, и единственное божество здесь женщина.

Я залезла в сундук – скорее потому, что мне очень хотелось узнать, кто я такая, и я рассчитывала найти хоть что-то о сестре Шанталь. Документы, драгоценности, памятные вещи. Но то ли у нее было мало воспоминаний, то ли аскеза ей нравилась: практически ничего, кроме сменных рубаш и хабита, на этот раз с капюшоном, он понравился мне больше, и я вытащила его, хотя цвет был более серый и мрачный. Книга, похожая на местное Писание, ее я тоже вытащила, потому что мне необходимо было знать то, что я не знать не могла никак; «Слова Милосердной», написано было на обложке. Я присела на кровать, пролистав книгу.

Вся история и заповеди были изложены короткими абзацами, некое подобие наших псалмов, и в общем все было намного проще. Лучезарная, она же Милосердная, имела вполне «земное» имя – Кандида, сотворила мир некогда из песка и света, а потом явилась в него и прожила обычную, но очень праведную жизнь как простая женщина, неся людям знание о добре и зле. Со свойственным мне скептицизмом я предположила, что это жизнеописание благочестивой знатной дамы, чью историю превратили в легенду. У Милосердной было много последователей, кто-то из них заслуживал места в церкви как святой, кто-то оставался безвестным монахом, и скоро я наткнулась на стих, который мне объяснил, почему у монахинь похожая на мужскую одежда и довольно много власти. Милосердная Кандида высшим благом полагала отказ от мужского и женского и полное посвящение себя как бесполой личности служению людям, а мирянам заповедала покоряться воле монахов и монахинь, ибо их устами сама Милосердная говорит с людьми. Я похмыкала – членство в местном Ордене джедаев устраивало меня больше, чем знакомая по истории женская участь...

Которое здесь было от нашего неотличимым, если женщина не была монахиней. Наверное, в Святой Книге имелся на это ответ, но последнее, что я собиралась делать, это сейчас перечитывать, а потом переписывать Писание. Вот уж что приведет меня в лучшем случае к анафеме, а в худшем – на плаху. Мир стоит менять исключительно так, чтобы это не затронуло твою собственную бедовую голову.

В самом низу сундука, под кипой рубаш и непонятных мне простыней, я наконец отыскала свиток – не свиток, я обозвала его «грамотой». Шанталь Аррие, вдова Готье, двадцать четыре года, святая сестра с девятнадцати лет. Никаких сведений о семье, бывшем муже, причине его смерти, детях, имуществе – ничего, но это было уже хоть что-то.

Я разделась, умылась, немало подивившись тому, что в графине была ароматизированная вода. Судя по тому, что я уже видела – отдельная комната, тишина, чистота – это тоже была привилегия монашки. Какая ирония, подумалось мне. Там – вдова, тут – вдова. После смерти Андрея я не то чтобы вела монашеский образ жизни – мне стало «это все» неинтересно. Знакомые наперебой умоляли «с кем-нибудь познакомиться и не губить себя», торопиться, пока «часики тикают», и обиженно удивлялись, когда переходили в разряд «бывших знакомых». Теперь то ли из-за того, что я была вдовой, то ли еще по какой причине я получила от судьбы бонусы...

Да, можно и так сказать. Я натянула плотную льняную рубашу для сна, подошла к окну. Стемнело совсем, и в прекрасном саду зажглись неяркие фонари, что меня озадачило. Освещение, в моем представлении, в эти века не было повсеместным, но это же монастырь, место, где нет ни мужского, ни женского, а лишь служение людям и Милосердной по заветам ее. И обеспечение, ухмыльнулась я. Во все времена, вплоть века до восемнадцатого, монастыри

были и средоточием науки, и средоточием защиты, и средоточием богатств... Быть монахиней лучше, чем быть королевой. Никаких посторонних, никаких балов, никакого лишнего шума, тишина и умиротворение.

Да, и все равно есть над чем поработать, и я даже уже начала, но и это намного проще, чем пытаться сиять при дворе. Окажись я где-то около трона, превратилась бы в Лукрецию Борджиа. Насколько я знала, образ ее как отравительницы и развратницы был удачно выдуман писателями, а вот то, что она, бедняжка, была разменной монетой в трех политических браках, родила около десяти детей и скончалась в возрасте сорока лет от родильной горячки, было печальными фактами.

Никогда не любила произведения массового искусства, подумала я, ложась в постель. Ради эффекта извратят и додумают, причем все это тысячу раз читано, писано, снято и сыграно... Скучно.

Постель меня изумила. Жесткий, набитый соломой матрас, я искренне понадеялась, что в нем нет ни вшей, ни клопов. Но белье было чистым – монашек тоже обслуживают прачки приюта? И ванна, подумала я, здесь должна быть ванна. Пусть не для насельниц, но для монахинь. Если нет, придется придумать, потому что есть такие вещи в быту, без которых мне будет невыносимо.

Хороша святая сестра, плюхнулась спать, не помолившись! Но видеть меня никто не мог, а Милосердная будет ко мне милосердна. Не каждая монашка попадает сюда из кабины лифта мира, о котором здесь не знает никто.

Снилось мне странное. Не прежний мир – последнее, о чем я со страхом успела подумать, прежде чем провалиться в сон, не та моя жизнь, которой у меня больше не было, а как ни парадоксально – мир этот. Словно я открыла глаза, поднялась, подошла к окну, нащупала металлический толстый засов, чтобы распахнуть створки, как увидела нечто в саду: серую тень, чуть светящуюся, неподвижную, и пока я раздумывала и пыталась понять, что это и как оно здесь очутилось, не разрушит ли оно статуи, как нечто взмахнуло прозрачными крыльями и бесшумно исчезло, а я, покачав головой, безразлично, привычно вернулась в постель.

Проснулась я от звона колоколов. Мне не пришлось ничего вспоминать – молитва, утренняя молитва, я же монашка, я должна на ней быть. И казалось бы, ранний подъем должен меня привести в замешательство и уныние, но я собиралась споро и без малейших страданий, даже не пытаясь себе объяснить, какого черта. Любопытство? И новый день. Сиротский приют, напомнила я себе, и столовая – трапезная, скорее – и прачечная, и много дел.

Но я не успела накинуть на плечи и голову хабит, как в дверь по-хозяйски постучали.

– Сестра Шанталь?

На пороге стояла упитанная коренастая монашка, одетая точно так же, как я, только хабит у нее был короче и из-под подола выглядывали мужские грубые сапоги. Лет ей было около тридцати, и я подумала – она всю жизнь провела в монастыре. В ней просто чувствовалось полное единение с этими крепкими стенами.

– Матери-настоятельнице все еще нездоровится, – хмуро сказала монашка. От нее пахло известным с древности лекарственным средством, и потому она от меня отворачивалась. – Там ждет охотник, примите его. Кажется, у него очень скверные новости...

Глава шестая

– Сестра?.. – начала я, изо всех сил стараясь не морщить задумчиво лоб. Ведь всех этих людей я должна знать по именам. И молитвы должна знать, а с этим намного хуже. Имена я имею право запомнить, молитвы – нет.

Монашка поняла меня по-своему.

– Кашляю, сестра, – она действительно кашлянула в сторону. – Еще мой дедушка говорил, что нет лучше средства, чем глотнуть на ночь чего покрепче.

«Глотнуть» в ее понятии было явно не чайную ложку и не исключительно на ночь. Не то чтобы она нетвердо стояла на ногах, но взгляд был блажен и расфокусирован.

– Молитесь, сестра, – сказала я с упреком. Что одно, что второе – самовнушение, но с учетом того, как сложно здесь с медициной – пусть лучше молится.

Как зовут эту сестру, я так и не узнала – пока. Я вышла, обойдя ее по широкой дуге, потому что запах алкоголя не выносила, и сделала шаг в сторону своего кабинета.

– Охотник ждет вас в кабинете матери-настоятельницы, – буркнула мне в спину сестра и, как мне показалось, у нее за пазухой что-то булькнуло. – Я пойду пока в святой сад, мало ли, что там ночью случилось. А вы скажите этому богохульнику, – добавила она, – чтобы он туда вышел. Не работают глифы-то, сестра.

Я открыла рот, сразу закрыла, потому что спрашивать у сестры, где кабинет матери-настоятельницы, было некстати. Я надеялась, что найду его сама, положившись на память тела сестры Шанталь.

Монастырь жил своей незатейливой жизнью. Откуда-то, вероятно, из церкви, доносился негромкий мелодичный перезвон, мимо меня в направлении детского приюта торопливо прошла сухая высокая женщина с огромной кастрюлей в руках – и я не удержалась.

– Пойдите.

Женщина покорно встала и не менее покорно заглянула мне в глаза. Я подошла ближе, указала пальцем на кастрюлю. Впрочем, кастрюлей это сложно было назвать – скорее лохань, к тому же не очень чистая. Не очень – я покривила душой.

– Откройте.

Женщина заозиралась – лохань надо было куда-то пристроить, она была здоровенной и тяжелой, и еще мешало полотенце как прихватка – темно-серая засаленная ткань, и цвет ее был однозначно не изначальный. Женщина досеменила до широкого подоконника и поставила лохань туда, перехватила тряпку и открыла крышку.

– Что это?

– Завтрак, сестра. На чистом молоке.

Может быть, жуткое варево и вправду было на молоке. Запах молочный – тут мне возразить было нечего.

– Это же очистки, – деревянным голосом заметила я. – И какие-то ошметки. – В крупе, которая была насыпана в отвратительную тюрю довольно щедро, я разглядела даже крупные личинки. – Вы кормите этим детей?

За скупостью моих реплик скрывалось нечто большее. Елена Липницкая в теле сестры Шанталь бушевала интересными выражениями, и к великому сожалению, сестра Шанталь знать такие слова не могла, да и язык – хотя для меня он продолжал оставаться «русским» – не позволял высказать все претензии. Меня бы попросту никто не понял.

– Так а что, им хватает, – удивилась женщина. – Много ли им надо?

– Чтобы я это видела в последний раз, – все так же сдержанно ответила я, но требовалось пояснение. Да, сейчас дети голодны и быстро приготовить что-то новое не получится. – На обед в приюте должно быть свежее мясо, свежий гарнир и компот. Свежее, – повторила я. Лицо

женщины выражало недоумение. – Я лично проверю, что вы туда намешали. И если я увижу вот эти помои с личинками, есть это дерьмо будете вы.

Я бы еще понимала, если бы в лучших традициях книг и фильмов сирот обделял монастырь. Но нет, пусть еда была не высокосортная и не самой первой свежести, она была неиспорченная и съедобная. И уж точно, даже с учетом того, сколько я приказала вчера выкинуть, не было необходимости варить детям обед из того, что не пошло в котел насельниц.

– Вчера, – обиженно заметила женщина, – святая сестра приказала выбросить много еды. Не пропадать же ей? Грех это.

– Ты мне еще будешь говорить о грехе? – зашипела я. Допустим, окоротила я себя, эта женщина искренне полагает, что продукты выбрасывать – решение не лучшее. Но другого выхода не было и не будет. – Вернулась на кухню, живо, взяла чистую кастрюлю и положила туда свежую еду! Сваренную для вас! Я жду!

Женщина постояла, закрыла лохань, подхватила ее, потом наконец разродилась:

– Где я, святая сестра, возьму вам чистый котел?

– Вмоешь! – рявкнула я. Женщина под моим тяжелым взглядом направилась обратно на кухню, я, постояв, пошла следом за ней. Хоть меня и ждали, и дело, видимо, у этого охотника было крайне срочным – пускать все на самотек здесь было категорически нельзя.

Еще вчера я полагала, что первое время, если я хочу добиться чистоты и порядка, достаточно следить за женщинами и строго наказывать заслушание. Сейчас мне стало понятно, что слово «следить» не точно отражает суть. Стоять над ними с утра до ночи и постоянно тыкать в недочеты. И пока я шла, несколько раз чуть не расхохоталась – что было, конечно, от нервов. «У женщины в крови – а то еще и “генетически заложено” – содержать дом в порядке!» – хотелось бы мне этих умников, да и умниц, что скрывать, в рядах закоснелых приверженцев домостроя были представители обоих полов, ткнуть носами в самую что ни на есть женскую обитель. «У любой женщины есть материнский инстинкт!» – твердили эти же идиоты, не имеющие базовых понятий о достижениях и исследованиях современной медицины. «Все лучшее – детям!» – вот этого лозунга, который и подразумевал под собой то, что объедки не должны быть на детском столе, здесь не хватало. Написать на стене? Если не найду другое решение.

Одно мне было ясно как день: в этом мире выживал пока что сильнейший. Вначале – монахини и их власть, затем женщины, у которых своя иерархия, и отчего-то мне казалось, что мало чем она отличается от тюремной в моем – прежнем – мире, затем дети. Совершенно никому не нужные дети, и как бы мне ни хотелось, не то чтобы я успела об этом подумать всерьез, я вряд ли смогу пристроить сирот в приемные семьи. Здесь у каждого выживает примерно столько детей, сколько семья в состоянии прокормить и о скольких могут хоть как-нибудь позаботиться, и что какой-то филантроп вроде наших селебритиз решит усыновить пару-тройку малышей – утопия. Невозможно.

У любого человека в крови, как и у животного: спать, есть, размножаться, обеспечивать себе физический комфорт и безопасность. Все остальное – налет цивилизации, а счисти его как ненужную шелуху, и будет загаженная кухня, брошенные на произвол судьбы дети, проданные жены... проданные за долги жены и дочери! Факт, который был мне известен еще по учебе, что не мешало ему оставаться в сознании чем-то вроде Атлантиды или оборотней из легенд. И радует лишь то, что половина человечества, пожалуй, не готова отказываться от имеющихся благ. Как я, например, подумала я, переступая порог и мрачняя все больше.

– Где Марселин? – спросила я у сонной поварихи. Вчера я ее видела, но без фартука, а среди прачек. – Где все, почему ты здесь одна?

– На молитве все, – повариха вынула деревянную ложку на длинной ручке из котла, посмотрела, как варево стекает плевками обратно, потом перевела взгляд на вернувшуюся товарку. – А тебе что, Джулия? Чего котел притащила?

То, что варилось в котле для женщин, напоминало очень жидкое картофельное пюре или рагу, но хотя бы не из обрезков и без такого количества личинок. Джулия недовольно покосилась на меня и проворчала:

– Святой сестре вожжа попала под хвост. Вон, сказала вымыть котел да положить детям отсюда.

– Отсюда? А нам что есть?

Мне надо понять, сколько в приюте детей, и найти для них отдельных поваров, и запасы распотрошить монастырские, подумала я.

– А вот спроси у святой сестры! – И обе женщины обвиняюще на меня уставились. Видела я такие взгляды не раз, и «ветеран Отечественной войны» в возрасте сорока трех лет на меня в суде смотрел точно так же. «То, что вы имели честь лицезреть Кутузова, не дает вам оснований не выплачивать алименты», – заметила я тогда под неприкрытые смешки судьи и секретаря. «Ветерану», к слову, уже смешно не было.

Я указала на плиту, вновь изляпанную, и такой же грязный возле нее пол.

– В кухне поддерживать чистоту! Постоянно, – ответила я совсем не то, что они от меня обе ждали. – Почему завтрак сготовлен из испорченных продуктов?

И так было очевидно. Повариха что-то пробурчала, Джулия взяла со стола нечто, что я могла бы назвать половником, и уже потянулась к котлу, не мытому лет десять. Я обернулась и крикнула, уже не скрывая раздражения:

– Я сказала – в чистый котел!

Помня каждую секунду, что меня ждет какой-то охотник, и не испытывая по этому поводу сильных угрызений совести, я обошла столы. Джулия демонстративно гремела посудой, изображая, как она усиленно драит котел. Покаяния никто не хотел, как ни странно: молись себе и работать не надо. Я направилась в кладовую.

– Иди-ка сюда, – поманила я повариху. И все это время я кусала себе кончик языка: невозможно монашке употреблять слова и выражения, которые у меня норовили вырваться.

По идее, вонь должна была уменьшиться, но это в случае, если бы женщины сделали все как я сказала. Увидев, что испорченные клубни, которые вчера, как я видела лично, перебирали, свалены поверх клубней хороших, я рассвирепела.

– Я сказала это выбросить! Что тебе непонятно? Слово «выбросить»? Это значит: взять все испорченное, собрать и вынести за пределы монастыря!

Повариха зыркала злобным взглядом то на клубни, то на меня.

– Как же – испорченное, сестра. Есть еще можно! Мы вчера подумали, а Анриет и говорит – зачем выбрасывать, завтра как раз деткам и сва... рим.

Почему-то в этот самый момент мне пришла в голову мысль, что смертность в моем веке снизилась потому, что люди научились лучше просчитывать последствия своих поступков. Что я могла сделать с этой непроходимой дурой? Наверное, что угодно; если судить по похожим приютам в моем мире, я могла приказать засечь ее до смерти в назидание другим. И она не могла этого не знать. Но, вероятно, и мне стоило попробовать объяснить ей, чем подобная «бережливость» чревата.

– Послушай, – сказала я и даже не сквозь зубы. – Вот этим вот, – я указала на испорченные клубни, – ты и Анриет свели на нет все усилия вчерашнего дня. Мошки опять летают, а клубни продолжают гнить. Употреблять их в пищу опасно, тем более детям. Знаешь... – Вот теперь привести пример стоило обязательно, хотя я не была уверена, что картофель здесь – то, что на него так похоже – тот же, что и у нас, но это было не столь существенно, и только когда я уже начала говорить, сообразила, что случай отравления картофелем, год хранившимся в подвале в лондонской школе в семидесятые годы двадцатого века, может быть воспринят как рецепт. – Если кто-то из детей заболит, я отправлю тебя на самую тяжелую работу, а когда все будут спать, ты будешь каяться.

Глаза женщины забежали. Кто бы и назвал меня бессердечной дрянью, но я и в прежней жизни мало полагалась на порядочность людей. Насмотрелась, скажем так, на бывших лучших друзей и некогда страстно влюбленных.

Стараясь сдержать все сильнее разгорающийся гнев, я отправилась в погреб. Повариха шла за мной.

– Все перебрать – с самого начала. – Я остановилась, оглядела пространство. – Здесь достаточно места, чтобы хранить все овощи и мясо. Наверху оставить только крупы, и вот что... чтобы не было мух, повесите горную полынь. – Откуда у меня это выплыло? Но неважно.

– Вонять же будет, святая сестра, – захныкала повариха.

– Там сейчас воняет! И мухи!

Приемлемо ли монашке периодически срываться на крик? Но Милосердная простит. Иначе не получается.

– В обед кухня должна сиять и все испорченное должно быть выброшено, – приказала я. Повариха кивнула и начала подниматься из подвала. Я ее не останавливала – проводила ревизию. Мне показалось, что одним-единственным способом я могу дать понять, как стоит поступить с испорченной едой.

Да, причина такого количества испорченных овощей и круп могла быть и в том, что какие-то овощи нельзя хранить вместе с другими... Я не занималась хозяйственными спорами, но коллеги-корпоративщики на форумах делились всяким. К сожалению, я не запомнила тонкости, да и сами овощи могли отличаться от тех, что были у нас... Я проходила мимо корзин, хватала испорченные клубни и без всякого сожаления выкидывала их на пол, надеясь, что наглядно насельникам станет яснее, как поступить и что я от них хочу.

В погребе было прохладно и почти что темно – свет шел только сверху, из кладовой, где горели свечи и неясно светились несколько камней на стенах. Их я заметила еще вчера и о природе свечения предпочла не задумываться, потому что в моем мире на это были способны не самые безвредные элементы. Но то, что насельницы не были изможденными, худыми и лысыми, подсказывало, что это не радиация, а какое-то иное явление. Не факт, что менее безопасное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.